

Вырезка из газеты

ПРАВДА

от 1 апреля
1982 г.

г. Москва

В ЧЕТКОМ КОНТРАСТЕ

С Р Е Д И К Н И Г

Мы легко привыкаем к тем, кто идет с нами рядом, как бы прорастаем друг в друга и уже, как правило, не в состоянии свести всю пестроту и разноречивость частных в стройную и целостную систему. Мы чаще всего обедняем краски близкой картины, бываем, что по разным, не зависящим от нас причинам, и значительно укрупняем то или иное явление; и не всегда можем дать точную беспристрастную оценку, вывести некую духовную формулу равновесия между самим явлением и его значением в окружающей жизни. Для верного взгляда надобно, видимо, далеко отступить во времени от свершающегося, когда все внешние, временные и раздражающие колебания вокруг интересующего нас предмета угаснут, и сама по себе означится его истинная ценность.

И поэтому сейчас, говоря об Анатолии Иванове, мы ни в коей мере не претендуем на категоричность или хотя бы приблизительную законченность оценок, хотя выход первого собрания сочинений — всегда большой рубеж, как бы бесстрашно проявляющий и фокусирующий главное направление в творчестве художника и наряду с сильными сторонами более ясно указывающий и на определенные слабости его таланта. Мы здесь лишь попытаемся высказать несколько мыслей о природе творчества, об ее основополагающих тенденциях, так или иначе отразившихся и в романах Анатолия Иванова (Собр. соч. в 5 томах. М., изд-во «Молодая гвардия»).

В первую очередь хотелось бы подчеркнуть значение времени, только ему свойственных особенностей — для формирования художника вообще и в частности для творчества Анатолия Иванова. Пожа-

луй, самым ярким примером тому будут братья Савельевы — Иван, Федор и Антон из романа «Вечный зов», побравшие в свои судьбы противоречивость, жестокость и красоту борьбы своего времени — эпохи решительной смены социальных формаций, а следовательно, эпохи наивысших общественных и нравственных потрясений. Здесь писатель достигает наиболее полнокровного отражения жизни; братья Савельевы как бы воплотили в себе сложность этически-нравственной атмосферы времени и утвердили своими характерами теснейшую, как мне представляется, связь биологического и социального начал в человеке.

Один из братьев, Антон Савельев, — герой для творчества Иванова во многом новый, новаторский, призванный запечатлеть в себе наиболее зримые и необратимые исторические перемены, резко подчеркнуть своей судьбой стремительный бег времени. Здесь, на наш взгляд, писатель начинает чувствовать, что череда смертей и рождений, смена поколений — прием, характерный для его первых двух романов, становится недостаточным гибким и емким для обрисовки характера эпохи, для ее художественного осмысления. И вот в образе Антона Савельева обнаруживает себя новая поэтика. Путь этого героя как бы приобретает космическое ускорение, — он оказывается на самом остром революционных изменений.

На мой взгляд, все, что относится к героям того или иного художника, все то новое, что появляется в них, в процессе нравственного развития, можно безошибочно рас-

сматривать и как духовную эволюцию самого автора. И если мы обратимся к роману «Тени исчезают в полдень», а затем к «Вражде», заслуженно выдвинутой сейчас на соискание Ленинской премии, то мы не можем не заметить еще одной особенности мироощущения писателя: он убежден в невозможности понять человека вне породивших его сил природы, вне зависимости от множества факторов, совершенно свободных от устремлений самого человека. Здесь писатель вводит в орбиту своего исследования целый ряд категорий, в последние десятилетия все больше привлекающих внимание нашей литературы: природа, человек и космос, непреходящая ценность истинно народного характера, человек и труд, человек и капитал, и далее как логическая вершина — природа власти. Разумеется, в постижении таких бездонных пропастей в человеке невозможно избежать и определенных просчетов, но они нисколько не умаляют таланта писателя...

Жизнь самого писателя, его гражданское и творческое становление пришлось на эпоху невиданных социальных катаклизмов. «Повитель» и «Тени исчезают в полдень» — свидетельства подлинной художественной одаренности, дополняемой ясной осознанностью своего места в потоке движения жизни, как непосредственного и активного ее участника. Сама природа таланта Анатолия Иванова не могла не выбрать именно активной жизненной позиции, и, может быть, именно отсюда в его творчестве — столь бесстрастный разрез эпохи, стремление к обнажению глу-

бинных, порой неожиданных свойств человека.

Каждый самобытный художник предстает перед нами в только ему присущем освещении. Здесь не исключение и Анатолий Иванов, представший в своих романах в четком контрасте белого и черного. Так вырабатывается только Иванову-художнику свойственное видение жизни: для своих героев он, как правило, избирает самый тяжкий путь познания истины.

Нравственный, художественный мир Анатолия Иванова един и монолитен, он имеет точную прописку в среде и социальной, и национальной, и исторической; это относится и к его романам, и к повестям, и к рассказам. Трагизм бытия, трагизм определенного исторического фона, на котором разворачиваются судьбы многочисленных и разных героев Анатолия Иванова, опять-таки придает его творчеству целостность. Бесспорно, что любое значительное творческое достижение возможно лишь тогда, когда писатель обращается к исследованию крупных массовых движений, когда он проникает в душу народа, не боится высветить в ней самые серьезные процессы, разумеется, в конкретных полнокровных образах и судьбах. И чем глубже и острее проник в эту удивительно сложную субстанцию художник, тем сильнее реакция на его произведение, тем необходимее такое произведение — оно сразу же включается в духовную жизнь, в борьбу общественных сил, оно каждому помогает лучше осмыслить самого себя и уяснить свое место в общем потоке жизни. Все это в полной мере относится к произведениям Анатолия Иванова.

Петр ПРОСКУРИН.